

Матушка улыбнулась: «Ваше Величество, я вижу, что лицо её правильное, да и в таких забавах, как цуцзюй и петушинные бои, она весьма искушена. Что, если призвать её во дворец в спутницы Сыцзы? Когда Сыцзы покинет дворец, мы сможем разом устроить и её замужество. Как вы полагаете?»

Отец на мгновение замер, затем улыбнулся: «Пусть будет так». И спросил Дугу Шао: «А ты как думаешь?»

Дугу Шао обрадовалась: «Я желаю войти во дворец, дабы днём и ночью служить императрице и принцессе».

В отличие от тех юных дев, которые, услышав «войти во дворец» — будь то в качестве придворной дамы, спутницы или служанки — выказывали неохоту, медлили и печалились, Дугу Шао можно было сказать, что она пребывала в полном восторге. Отец даже велел ей несколько дней подготовиться дома, но она в тот же день собрала вещи и явилась, чтобы поселиться со мной. Я как раз рассчитывала, что в пути, где свита невелика, а помещение тесно, мне будет проще найти предлог попросить Вэй Хуань оставаться со мной на ночь. Как же я могла позволить ей жить со мной? Я поспешно сослалась на тесноту и неудобства, предложив ей сначала провести время с отцом. Но Дугу Шао настойчиво упрашивала, и я, не в силах отказать, велела ей поселиться с Цуй Мин-дэ — её дед и отец в этой поездке не сопровождали нас, поэтому она с самого начала ехала со мной.

Я полагала, что Цуй Мин-дэ будет крайне недовольна, и даже попросила Вэй Хуань лично передать ей эту весть. Но Цуй Мин-дэ, выслушав, лишь равнодушно промычала в ответ и ничего не сказала. В итоге той же ночью Дугу Шао перебралась из задних рядов обоза в передние.

Матушка милостиво позволила Дугу Шао взять с собой двадцать служанок-гостей в качестве прислужниц для цуцзюй и ухода за бойцовыми петухами. Хотя ранга у них не было, каждая получила пожалованные императрицей парчовые одеяния и медные рыбки мешочки, а содержание им положили как для чиновников девятого ранга. Прислуживавшие в цуцзюй дворцовые женщины также получили особое жалованье. Я воспользовалась случаем и попросила матушку дать им имя. Она немного подумала и сказала: «Его Величество когда-то пожаловал вэйскому генералу Мулан титул «Почтительного и доблестного генерала». Назовите их «Всадницы Мулан». Не требуется, чтобы они шли в войско и выступали в походы, но и духом они не должны уступать мужчинам».

Отец, стоявший рядом, покачал головой: «Безрассудство, безрассудство». Но, встретив взгляд матушки, добавил: «Раз тебе нравится — как скажешь». Поскольку вечером был назначен пир, они сначала удалились в главный зал, а я вернулась в свои покои.

В комнате никого не было, но за ширмой мелькнула тень. Заглянув туда, я увидела, что Вэй Хуань велела маленькой служанке помыть ей голову.

Та как раз натирала ей голову мыльными бобами и, увидев меня, застыла с поднятыми руками, не зная, что делать. Я махнула рукой, чтобы она ушла, затем, подумав, вышла и тихо приказала ей: «Стой у двери. Если кто придёт, скажи, что я уже сплю, и никого не впускай».

Она робко согласилась. Я закрыла дверь, на цыпочках подкралась к Вэй Хуань. Она сидела, согнувшись, опустив голову, и все её глянцеви́то-чёрные волосы свисали вниз. Не чувствуя движений, она слегка приподняла голову и спросила: «Что такое?»

Я рассмеялась: «Ага! Наконец-то я застала тебя за ленью. Смеешь мыться раньше меня!»

Она вздрогнула и чуть не выпрямилась во весь рост, но, увидев, что вокруг никого, облегчённо вздохнула: «Голову не мыла уже две недели. Если не вымою сейчас, к вечеру стану вонять, и ты будешь брезговать». Говоря это, она одной рукой нащупывала мыльные бобы, но не могла найти. Я подала их ей, намазала на её голову и, мягко надавливая, спросила: «Не сильно?»

Она ответила: «Ты не умеешь этого делать, дай я сама».

Но меня разобрало любопытство, и я, улыбаясь, сказала: «Ты же всегда жалуешься, что я заставляю тебя меня обслуживать и опекать. Вот и я тебя послужу. Научи, как мыть».

Она не стала отнекиваться: «Уже почти вымыла. Нужно только ещё разок потереть бобами».

Я вспомнила, как она обычно моет мне голову, и начала медленно, круговыми движениями от макушки массировать её кожу. Потом спросила: «Я видела, ты обычно используешь для меня ароматное масло?»

Она усмехнулась: «Это ты пользуешься. Мы обходимся без него, достаточно немного взбитого яйца».

Я не согласилась. Закончив с мыльными бобами, вымыла руки и принялась рыться в сундуках в поисках масла. Видя моё упорство, она сдалась: «В нижнем ящичке ларца для румян, в самом низу, в золотой шкатулке с пионами».

Я достала её и понюхала — то самое, которым я обычно пользовалась. Тщательно нанесла ей на волосы. Она спросила: «Как же ты так быстро вернулась? Разве императрица не говорила о пире?»

Я скривила губы: «Пир для иноземцев, женщин там не будет. Зачем мне туда?»

Она сказала: «Я думала, ты задержишься надолго. Если бы знала, не стала бы мыться здесь».

Я ответила: «А где же ещё? Хоть и ранняя весна, на улице ещё холодно. Вымоешь голову, выйдешь на ветер — и наутро голова раскалывается будет».

Она вдруг подняла голову и бросила на меня косой взгляд. Я подняла бровь: «Что?»

Она рассмеялась: «Как-то странно слышать от тебя слова вроде «ветер» или «голова раскалывается»».

Я покраснела, вымазала оставшееся на руках масло в её кончики и проворчала: «А что, только ты умеешь заботиться, а я нет? Я просто... невнимательная была. Если захочу — буду не хуже тебя».

Она, упёршись руками в колени, сквозь смех проговорила: «Ладно, ладно, Эрнян у нас самая заботливая, Эрнян лучше всех умеет ухаживать. Не соизволит ли умная и заботливая Эрнян помочь мне смыть это масло? Вся голова жирная».

Я взглянула вниз и увидела, что нанесла слишком много, и её чёрные как смоль волосы слиплись в несколько прядей. Горячо покраснев, я бросилась за водой, чтобы смыть. Она остановила меня: «Та уже использована. Возьми из того ведра».

Я поспешно зачерпнула воды из ведра и принялась смывать. Спустя некоторое время, когда всё было смыто, я взяла своё полотенце, чтобы вытереть её волосы. Она приподнялась, взяла

полотенце у меня из рук и, склонив голову набок, принялась вытирать их сама.

Увидев, как она наклоняет голову, я вдруг поняла, почему, восхваляя красавиц, всегда говорят об их виде после омовения — когда человек только что вымылся, он предельно расслаблен, и эта непринуждённость, эта небрежная грация придаёт обычной красоте особое очарование. Да и сами движения после купания, с полувлажными волосами и полураспахнутой одеждой, невольно навевают богатые мысли, заставляя смотреть и предаваться мечтаниям.

Пусть сегодня Вэй Хуань не купалась, а лишь мыла голову, но эта её нежная, непринуждённая манера была точь-в-точь как после омовения. Я смотрела на неё, не в силах оторвать взгляд. Когда она направилась прочь, я машинально пошла за ней. Она бросила использованное полотенце в таз, и я, встав на цыпочки, заглянула в него, едва сдерживая порыв вытащить эти вещи, прижать к своему лицу, вдохнуть их запах, прикоснуться к ним щекой. Я почувствовала, как по телу разливается сухой жар — от кончика языка до низа живота. Всё это происходило непроизвольно, я вовсе об этом не думала, но именно эта непроизвольность заставляла краснеть ещё сильнее. Внутри я всё твердила себе, что нужно обуздать эти крамольные мысли, но глаза, руки и ноги словно окаменели, не в силах сдвинуться с места.

Вэй Хуань, закончив с уборкой, обернулась и, увидев меня застывшей, лишь бессильно улыбнулась. Подойдя на шаг, она с усмешкой сказала: «Кто не знает — подумает, что это я тебя купать собирала. Вся ты промокла насквозь. Давай быстрее переодевайся, чего уставилась как истукан!»

<http://bllate.org/book/16278/1466643>